

Украинская болезнь: диагноз русских консерваторов

Раскол Большого русского народа (состоящего из трех ветвей – великороссов, малороссов и белорусов), произошедший по итогам XX века, стал геополитической и демографической катастрофой, последствия которой еще предстоит осознать. Российская Федерация находится сейчас на первом месте в мире по территории, на пятом – по объему ВВП (по паритету покупательной способности), на девятом – по численности населения, которая с возвращением Крыма и Севастополя превысила 146 млн человек, из них около 120 млн – русские. Население Украины – 42 млн, Белоруссии – 9,5 млн. Если бы существовало общее государство Большого русского народа, его численность составила бы около 200 млн человек. Экономический потенциал такого государства превышал бы на треть нынешний потенциал РФ. Территории Украины и Белоруссии – самые населенные и освоенные части Большой России, находящиеся в благоприятных климатических условиях.

Большой русский народ был искусственно расколот прежде всего посредством национально-государственной политики, проводимой коммунистическим режимом в течение всей эпохи его господства. Значимая роль в этом расколе принадлежит украинскому национализму (до 1917 года его правильнее называть сепаратизмом), возникшему в середине XIX века. Ряд его основополагающих целей по конструированию украинской идентичности системно и успешно были реализованы в советский период (создание языка, системы образования, культуры, национальной интеллигенции, квазигосударственности, которая с 1991 года трансформируется в реальную). При этом русское национальное самосознание последовательно подавлялось, стиралось, замещалось советским патриотизмом и марксистским вульгарно-материалистическим подходом в понимании исторических процессов. Именно поэтому для большей части политического и интеллектуального слоев современного российского общества события 2014 года оказались полной неожиданностью.

Для немногочисленных политиков и интеллектуалов, которые в той или иной степени связаны с консервативной традицией, эти события были предсказуемы, ожидаемы. В свое время русская консервативно-государственная мысль мгновенно и очень точно отреагировала на появление украинского сепаратизма – в 1860–1880-х годах его базовые идеи и культурные практики были подвергнуты критике. К ним, в частности, относится исторический миф Н.И. Костомарова (одного из основателей «Кирилло-Мефодиевского общества», действовавшего в 1846–1847 годах) о существовании еще с Киевской Руси особой «южнорусской народности» [7]. Он пытался доказать, что еще с глубокой древности существовали две русские народности, «южнорусская» и «великорусская», различавшиеся по культуре, поведению, мировосприятию. «Южнорусская» наделялась Костомаровым таким свой-

*Минаков Аркадий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Центра по изучению консерватизма.
E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru*

ствами, как свободолюбие, тяга к федеративному устройству, терпимость к иным верам и национальностям, а «великорусская», напротив, изначально тяготела к единой державной общности в ущерб личной свободе, отличалась национальной и религиозной нетерпимостью. Концепция Костомарова послужила отправной точкой для обоснования идеи особого украинского народа, со своей «национальной историей», в идеале не имеющей ничего общего с общерусским историческим процессом. Фальсификация истории, разрывающая единство русского народа, стала базовой гуманитарной технологией украинизма.

Второй подобной культурной практикой украинского национализма было создание на основе малороссийского наречия русского языка особого украинского литературного языка.

Русские консерваторы, в отличие от подавляющего большинства нынешних вульгарно-материалистически ориентированных политиков и идеологов («всё определяет экономика»), понимали колоссальную значимость языка, литературы и истории для формирования национального самосознания и поддержания государственного единства. Так, М.Н. Катков, редактор «Московских ведомостей» и «Русского вестника» – самых известных и влиятельных консервативных изданий 1860–1880-х годов, лидер тогдашних националистов и государственников, утверждал: «Великое дело язык и литература! Что разошлось в языке и литературе, то разошлось в духе, и того не свяжешь потом никакой материальной силой» [5, с. 2].

Отправной точкой рассуждений русских консервативных мыслителей был тезис о едином Большом русском народе. Так, видный славянофил и знаток истории славянских народов В.И. Ламанский доказывал, что три ветви единого русского народа – малороссы и великороссы с белорусами – «при всех своих частных разногласиях, обоюдных несходствах и насмешках друг над другом, образуют один Русский народ, единую Русскую землю, плотно, неразрывно связанную одним знаменем веры и гражданских убеждений» [8, с. 17].

М.Н. Катков справедливо отмечал, что в европейских государствах, таких как Франция, Германия и Италия, «везде есть резкие особенности и местные наречия до такой степени своеобразные, что если бы не было общего государственного и литературного языка, то люди одной страны и одной народности не могли бы понимать друг друга и должны были бы разойтись на множество особых центров» [4, с. 1]. В отличие от этих европейских стран в Российской империи русские имеют в себе гораздо меньше «резких оттенков». «Ступайте по всей Русской земле, где только живет русский народ всех оттенков, и вы без труда поймете всякого, и вас без труда поймет всякий» [4, с. 1]. Особенности малороссийского говора, которые Катков, разумеется, не отрицал, объяснялись им «несчастливыми историческими обстоятельствами», насильственным и временным соединением с Польшей, отрывом «Украины» от «русского корня», что привнесло «полонизмы» в народный язык. При этом, утверждал он, Малороссия «никогда не имела особой истории (отличной от общерусской – А.М.), никогда не была особым государством, украинский народ есть чистый русский народ, коренной русский народ, существенная часть русского народа, без которой он не может оставаться тем что он есть» [4, с. 1].

Консерваторы и русские националисты отстаивали точку зрения, согласно которой термин «Украина», усиленно вводимый в оборот украинскими сепаратистами, является исторически неверным, в отличие от традиционного употребляемого с XVII века названия «Малороссия», которое первыми ввели православные греки, путешествовавшие в независимую северо-восточную Русь через сравнительно небольшую «Малую Русь», находившуюся под польско-католическим владычеством. Разумеется, такая точка зрения была категорически неприемлема для украинских сепаратистов. Их отречение от русского имени уже в начале XX века доходило, говоря словами известного публициста консервативно-

националистической газеты «Новое время» М.О. Меньшикова, до «политического психоза». Он отмечал: «Ни одно из инородческих племен – кроме разве поляков – не обнаруживает такой воспаленной ненависти к Великой России, как эти представители Малой Руси. Самые ярые из них отказываются от исторических имен “Россия”, “русские”. Они не признают себя даже малороссами, а сочинили особый национальный титул: “Украина”, “украинцы”» [9, с. 4].

Одной из самых острых проблем для русских государственников, консерваторов, патриотов и националистов являлся вопрос о создании особого литературного украинского языка. Так, В.И. Ламанский утверждал, что Малая и Великая Русь общими усилиями выработали общий литературный язык. Это произошло в силу того, что «наречия Малорусское и Великорусское не отличаются между собой множеством важных и разных особенностей». Эти особенности были в целом «незначительны, если не совершенно ничтожны» до конца XIV века «и даже позже». Причем это относилось как к устной речи, так и к письменному языку. Последний имел «общий элемент Церковно-Славянский». Ламанский отмечал, что южнорусские ученые и писатели имели огромное, непосредственное влияние на русский язык «с конца XVII в. почти до самого Ломоносова», поскольку малороссы «господствовали» в церковной «иерархии, в школе и образованности. Они, заявлял Ламанский, «имели все средства образовать Русский литературный язык на Малорусской основе». В представлении Ламанского, общерусский литературный язык был создан Ломоносовым, который «принял наречие Московское, но в то же время признал всю законность и необходимость общего элемента Церковно-Славянского». Но и после Ломоносова, подчеркивал Ламанский, огромный вклад в развитие русского языка внесли многие даровитые писатели из Малороссии и один гениальный – Гоголь». Поэтому русский литературный язык «есть плод исторической жизни всего Русского народа» [8, с. 18]. Говоря о возможности «особой Малороссийской литературы», В.И. Ламанский был уверен, что она «возможна только при условиях самых невообразимых», для этого «надо убедить всех мыслящих Малороссии в ее необходимости, надо им позабыть употребление Русского языка, перестать читать Русские книги, надо образовать целые поколения Малороссии в неведении Русского языка и литературы» [8, с. 18].

Один из отцов-основателей евразийства, выдающийся лингвист Н.С. Трубецкой, будучи уже в эмиграции, серьезно уточнил представления о вкладе малороссов в формирование общерусского литературного языка. С его точки зрения, на рубеже XVII и XVIII веков произошла «украинизация великорусской духовной культуры», причем «старая великорусская, московская культура при Петре умерла» [17, с. 367]. Новая русская культура «является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры» [17, с. 365]. Но при этом центр культуры переместился из Киева в Великороссию. В результате «культура стала ни специфически великорусской, ни специфически украинской, а общерусской» [17, с. 367]. В XIX веке в развитии этой культуры принимали участие и представители «украинского племени»: «нельзя выкинуть из русской литературы Гоголя, из русской историографии – Костомарова, из русской филологии – Потебни и т.д.» [17, с. 371]. Общий вывод, сделанный Трубецким, гласил, что «русская культура послепетровского периода является общерусской, и что для украинцев она не чужая, а своя – этого отрицать невозможно» [17, с. 371].

Консерваторы были убеждены в том, что главной задачей сепаратистов было сделать так, чтобы он существенно отличался от общерусского. «С этой целью, – писал автор катковского «Русского вестника» А.А. Иванов, – в составляемых ими учебниках и других книгах они, по большей части, тщательно стараются избегать русских слов для выражения многих понятий, так как в малорусском языке, по его неразвитости, нет слов для этих понятий, и берут из польского и даже из других славянских языков, лишь бы не из русского. Сверх

того... они ввели особенное правописание, отличное от прежнего, более сходного с общерусским» [3, с. 254].

Тот же А.А. Иванов считал «положительно вредным обучение народа на местном языке» [3, с. 264], поскольку цель такого обучения состояла только в том, чтобы «навязать народу понятие об его каком-то резком и совершенном отличии от Великоруссов. Обучение на этом языке укрепляет самих деятелей в сепаративных тенденциях, побуждает их не ограничиваться обучением, а сделать это наречие литературным языком для всего населения Малороссии» [3, с. 259].

Консерваторы небезосновательно полагали, что навязывание украинского языка в качестве литературного приведет к резкому падению общего уровня культуры. Публицист «Русского вестника» Н.А. Ригельман утверждал, что подобного рода обособление создаст для украинцев «в русском мире духовный партикуляризм», сделает для них непонятными произведения их земляков: Дмитрия Ростовского, Феофана Прокоповича, Георгия Конисского, Гоголя, равно как и творения Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковского, Толстого. «Чем же вы замените всё это? – спрашивал Ригельман. – Неужели вы воображаете себя в силах написать что-нибудь подобное, создать хоть сотую долю того литературного богатства, которым мы и вы уже обладаем, и пользования которым вы хотите лишить ваш народ?» [14, с. 843].

Особую роль в становлении украинского национализма сыграл поэт Т.Г. Шевченко. В консервативной публицистике, посвященной «кобзарю», выделяются статьи М.О. Меньшикова. Он отмечал, что в Малороссии и России к началу XX века возник «настоящий культ» Шевченко, причем о его поэзии «судят по некоторым лирическим отрывкам («Думы мои, думы...» и т.п.), переведенным по-великорусски и понятным даже без перевода». Однако полный Шевченко, без купюр, «оказывается, подобно Мицкевичу, ослепленным ненавистью к нашей государственности и народности...», – писал Меньшиков [9, с. 4].

Надо отметить, что при всем своем неприятии политического мировоззрения Шевченко Меньшиков оказался в своих эстетических оценках его творчества достаточно снисходительным: «Шевченко – несомненный талант, но второразрядный, вроде нашего Кольцова или Никитина, вроде Майкова или Полонского, которых муза в лучших вещах достигала удивительной красоты; красоты, но не величия... ничего великого в этом талантливом провинциальном поэте не было и не могло быть на уровне слишком зачаточной деревенской культуры». При этом Меньшиков допускал, что, проживи Шевченко подольше, он осудил бы свои «ошибки молодости», как это сделали Пушкин и Достоевский, но его ранняя смерть закрыла эту возможность, и потому Шевченко «надо брать, каков он есть: как политического агитатора, ибо – если говорить правду – именно этим он только и дорог озлобленному мазепинскому сепаратизму» [9, с. 5].

Эффективность такого рода «политической агитации» Шевченко была по своему высоко оценена Меньшиковым: «Батько Тарас порядочно-таки посеял ветра в пустых головах кое-каких своих сородичей, и если когда-нибудь над мирной Украиной заревет ураган повстания, может быть, купель крещения народа русского, старый Днепр, и в самом деле окрасится братской кровью» [13, с. 5].

Анализ текстов русских консерваторов, посвященных украинскому вопросу, приводит к такому выводу: распространенное суждение о том, что они считали сепаратизм порождением исключительно «польской интриги» и в целом «внешних факторов», нуждается в существенном уточнении. Споры нет, славянофилы и Катков не раз подчеркивали особую роль поляков и Австрии в стимулировании украинского национализма. Тот же Катков не раз повторял, что «украинофильские стремления... точь в точь совпадают с враждебными русской народности польскими интересами и распоряжениями австрийского правительства» [4, с. 2]. А в 1914 году Меньшиков уверенно писал, что широкое

распространение «мазепинства» с начала XX века опирается на две базы – «на денежную поддержку Германии и на самую разнообразную поддержку Австро-Венгрии». И даже заявлял, что если Германия и Австрия всерьез готовы использовать украинский сепаратизм для разрушения единства русского народа, то «мы должны были бы воевать и с Германией, и с Австрией как с врагами, ведущими минный подкоп под наше государственное здание» [10, с. 4].

При этом консерваторы всё же приоритетное значение придавали внутренним факторам, которые, с их точки зрения, если и не вызвали к жизни украинский национализм, то серьезно способствовали его развитию. Среди них первое место занимала космополитическая, лишенная национального сознания бюрократия. Люди, не имеющие в себе «живого чувства своей национальности... остаются безразличны в национальном отношении, и... это безразличие лишает их способности распознавать, что полезно и что вредно для того государства, к которому они принадлежат» [6, с. 1], – утверждал Катков. В начале XX века М.О. Меньшиков с горечью писал о самодовольной оптимистической бюрократии, которой свойственна пагубная привычка «никак не реагировать на острые явления жизни и прятать их под сукно, как страусы в пустыне при виде неприятеля прячут голову под крыло. Именно этой пагубной привычке мы обязаны чудовищным разрастанием таких явлений, которые своевременно могли бы быть погашены легко и быстро» [11, с. 4]. Речь шла в первую очередь о «мазепинстве», как тогда называли украинский национализм.

Какие же пути решения украинского вопроса предлагали консерваторы? Надо сказать, что какой-либо целостной положительной программы у них не было. Но некие ее контуры, хотя и задним числом, вполне можно обрисовать. Уже оказавшись в эмиграции, евразиец Н.С. Трубецкой, как и многие эмигранты, осознал, что православная вера была жизненным нервом всей русской культуры и именно благодаря ей «западнорусская и московская индивидуации русской культуры оказались способными вновь воссоединиться». В послепетровское время антихристианские течения в европейской культуре разрушили в сознании элиты Православие, не заменив его ничем, а затем интеллигентский нигилизм проник в народные массы, породив в них полное духовное опустошение. Рассуждая таким образом, Трубецкой полагал, что будущая русская культура «должна стать в идеале оцерковленной сверху донизу» и тем самым вновь способствовать единству русского народа [17, с. 378].

Автор «Русского вестника» А.А. Иванов ставил вопрос о необходимости создания народных школ, формирующих через обучение языку и истории русскую национальную идентичность: «Пусть правительство и просвещенная часть общества открывают во всех городах и селах свои народные училища с хорошими учителями, положительно запрещая в них преподавание на малорусском наречии и употребление малорусских книжек». Если это произойдет, то «дело врагов нашего просвещения будет, наверно, проиграно» [3, с. 265]. О том же, по сути дела, говорил и философ С.С. Гогоцкий, утверждая, что прежде всего необходимы «полное единение с центральной Россией, русские учебные книги на всех инстанциях обучения и такой взаимный обмен умственных сил и деятелей между Русским севером и Русским юго-западом, который бы наилучше упрочивал наше единство с центром России» [2, с. 798]. На этом же настаивал либеральный консерватор П.Б. Струве, когда заявлял в статье, посвященной украинскому вопросу, «что одна из главных, и образовательных, и практических, задач начальной школы заключается в том, чтобы всякого русского приобщить к органу русской культуры, русскому языку, и что к этому нужно стремиться всеми разумными способами. Это нужно так же, как знание арифметики, это есть, если можно так выразиться, обязательная общегражданская грамотность» [15, с. 71]. Однако решение о создании общерусской системы начального народного образования было принято

спустя десятилетия, при П.А. Столыпине, и на практике не успело реализоваться из-за Мировой войны и последовавшей революции.

Одной из важнейших задач, с точки зрения консерваторов, было развитие исторического самосознания, невозможное без умных и ярких учебников по истории, написанных с государственно-патриотических позиций. М.О. Меньшиков с тревогой писал, что в России ни одного «пригодного для школ учебника русской истории». Наряду с миллионными тратами на создание флота и покупку племенных жеребцов следовало бы потратить несколько премий на создание «основного учебника русской истории, увлекательного и правдивого», привлечь самых талантливых ученых и публицистов для доказательства того, что «русское государство – до сих пор единственная возможная форма державной самостоятельности и белорусов, и малороссов» [12, с. 13]. Эта задача остается неисполненной по сей день...

Духовный наследник М.Н. Каткова, издатель самой известной в конце XIX – начале XX века национально-консервативной газеты «Новое время» А.С. Суворин, видел основным средством борьбы с украинским, да и всяким другим, сепаратизмом укрепление прежде всего русского центра страны: «необходимо его культурно крепить и возвысить. ...Русский человек должен блистать образованием, а не отставать от окраин; русская промышленность, торговля и земледелие должны стоять как пример развития для окраин, а не завидовать и не зависеть от них... Прочность России, ее долголетие и ее крепость зависят от прочности центра, от притягательной, внутренней, органической силы его» [16, с. 1].

Показательно, что ни один из этих пунктов не был осуществлен ни до, ни после 1917 года.

Сбылись самые зловещие предупреждения и пророчества консерваторов. Удивляет точность некоторых из них, футурологическая состоятельность русской консервативной мысли. Так, Н.А. Ригельман утверждал, что тактика и стратегия украинских националистов будет заключаться в том, чтобы не отрываться от России, «чтобы пользоваться ее силами и ее охраной, покамест мы настолько окрепнем, чтобы в ней больше не нуждаться» [14, с. 839–840].

Украинский вопрос был существенно осмыслен русской эмиграцией. К примеру, Н.А. Бердяев, начинавший свою идейную биографию как легальный марксист, в 1918 году написал немислимые до революции для принадлежщего к «прогрессивному лагерю» деятеля признания: «нужно прямо и решительно заявить – никакой великорусской культуры нет, как нет и культуры малорусской, есть только единая русская культура, объединенная великим русским языком, который не есть язык великорусский. Нет великорусской истории, есть лишь русская история» [1, с. 5].

А евразиец Н.С. Трубецкой в статье, написанной в 1927 году, пророчески описал, что произойдет, если на независимой Украине придут к власти узкие и фанатичные краевые шовинисты. Они наложат на украинскую культуру свою «печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности, мракобесия и, сверх того, дух постоянной подозрительности, вечного страха перед конкуренцией. Эти же люди, конечно, постараются всячески стеснить или вовсе упразднить самую возможность свободного выбора между общерусской и самостоятельно-украинской культурой: постараются запретить украинцам знание русского литературного языка, чтение русских книг, знакомство с русской культурой. Но и этого окажется недостаточно: придется еще внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попраiania собственных национальных святынь. Ибо, если украинцы не будут *ненавидеть* все русское, то всегда останется возмож-

ность опирания в пользу общерусской культуры. ...И, в результате, созданная при таких условиях “украинская культура” не будет органическим выражением индивидуальной природы украинской национальной личности и мало чем будет отличаться от тех “культур”, которые наспех создаются разными “молодыми народами”, статистами Лиги Наций. В этой культуре демагогическое подчеркивание некоторых отдельных, случайно выбранных и, в общем, малосущественных элементов простонародного быта (например, “вышиванок” – А.М.) будет сочетаться с практическим отрицанием самых глубинных основ этого быта, а механически перенятые и неуклюже применяемые “последние слова” европейской цивилизации будут жить бок о бок с признаками самой вопиющей провинциальной ветоши и культурной отсталости; и все это – при внутренней духовной пустоте, прикрываемой кичливым самовосхвалением, крикливой рекламой, громкими фразами о национальной культуре, самобытности и проч. ...Словом, – это будет жалкий суррогат, не культура, а карикатура» [17, с. 373–375]. Такое ощущение, что эти строки были написаны в 2016 году, а не в 1927-м!

Подведем итоги. В отличие от либералов и социалистов, видевших в украинских сепаратистах только и исключительно союзников в борьбе с самодержавием и Российской империей и практически безоговорочно их поддерживавших, русская консервативная мысль расценивала украинский сепаратизм как крайне опасное явление, угрожающее самому бытию русского народа и его государственности. Консерваторы ясно показали механизм действия гуманитарных технологий по созданию фальсифицированной версии истории и искусственного литературного языка. Они акцентировали внимание на русофобской и антиимперской составляющих и неизбывном культурном провинциализме «украинизма». И смогли предсказать катастрофические последствия раскола Большого русского народа. В этом их бесспорная историческая заслуга и правота. В анализе украинского вопроса русский консерватизм, несомненно, продемонстрировал свои интеллектуальные и моральные преимущества над идеологическими оппонентами. «История – наставница жизни», – говорили древние. И если бы современные политический и интеллектуальный слои обладали развитым историческим самосознанием или хотя бы элементарным знанием русской истории, многих трагедий удалось бы избежать.

Литература

1. Бердяев Н.А. Россия и Великороссия // Накануне. М., 1918. № 3 (апрель). С. 4–5.
2. Гогоцкий С.С. Еще несколько слов об украинофилах // Русский вестник. 1875. № 6. Т. 117. С. 787–798.
3. Иванов А.А. О малорусском литературном языке и обучении на нем // Русский вестник. 1863. Май. Т. 45. С. 244–267.
4. Катков М.Н. Москва, 21 июня // Московские ведомости. 1863. 22 июня. С. 1–2.
5. Катков М.Н. Москва, 6 февраля // Московские ведомости. 1864. 7 февраля. С. 1.
6. Катков М.Н. Москва, 2 сентября // Московские ведомости. 1864. 3 сентября. С. 2.
7. Костомаров Н.И. Две русские народности // [Костомаров Н.И.] Собр. соч. Н.И. Костомарова: в 21 т., 8 кн.: Исторические монографии и исследования. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1903. Кн. 1. Т. 1. С. 31–65.
8. Ламанский В.И. Национальная бестактность (Статья Современника 1861. Июль, о Львовском Слове: №№ 1 и 2) // День. 1861. 15 октября. № 1.
9. Меньшиков М.О. Быть ли России Великой? // Новое время. 1911. 26 февраля (11 марта). С. 4–5.
10. Меньшиков М.О. Долг Великороссии // Новое время. 1914. 11 (24) марта. С. 4.
11. Меньшиков М.О. Долг Великороссии // Новое время. 1914. 13 (26) марта. С. 4.
12. Меньшиков М.О. Долг Великороссии // Новое время. 1914. 15 (28) марта. С. 13.

13. *Меньшиков М.О.* Сеятели ветра // Новое время. 1914. 2 (15) марта. С. 5.
14. *Ригельман Н.А.* Современное украинофильство // Русский вестник. 1875. № 2. Т. 115. С. 818–848.
15. *Струве П.Б.* Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу // Русская мысль. 1912. Кн. I. С. 65–86.
16. *Суворин А.С.* Маленькие письма. CXIII // Новое время. 1883. 12 (24) февраля. С. 1–2.
17. *Трубецкой Н.С.* К украинской проблеме // *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 362–380.

Аннотация. В статье анализируются взгляды русских консерваторов на базовые идеи и культурные практики украинского национализма, возникшего в середине XIX века. Публицисты преимущественно дореволюционных консервативных изданий (среди них центральное место занимали В.И. Ламанский, М.Н. Катков, А.С. Суворин, М.О. Меньшиков), а также представители пореволюционной эмигрантской мысли Н.А. Бердяев и Н.С. Трубецкой расценивали украинский сепаратизм как крайне опасное явление, угрожающее самому бытию русского народа и его государственности. Они с исчерпывающей ясностью проанализировали причины возникновения сепаратизма, механизм гуманитарных технологий по созданию фальсифицированной версии истории и искусственного литературного языка, призванных разрушить общерусское единство и сформировать новую нацию на основе русофобии. Консерваторы также подвергли критике культурный провинциализм украинского сепаратизма и национализма. Глубокое проникновение в сущность «украинства» позволило русским консерваторам с поразительной точностью предсказать катастрофические последствия раскола Большого русского народа и сформулировать программу борьбы против украинского национализма за единство русского мира, ставшую еще более актуальной в наше время.

Ключевые слова: Русский консерватизм, украинский сепаратизм и национализм, базовые идеи и культурные практики украинского национализма.

Minakov Arkady, Ph.D. in History, Professor, Voronezh State University; Director, Center for Conservative Studies. E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

The Ukrainian Disease: The Diagnosis of Russian Conservatives

Abstract. In this article the author analyzes the views of Russian conservatives of the basic ideas and cultural practical aspects of the Ukrainian nationalism, that came into existence in the middle of the 19th century. Political writers of pre-revolutionary conservative editions (the most famous among them were V.I. Lamansky, M.N. Katkov, A.S. Suvorin, M.O. Menshikov), and also representatives of post-revolutionary emigrant philosophers – N.A. Berdyayev, N.S. Trubetskoi – regarded the Ukrainian separatism as an exceptionally dangerous phenomenon, threatening the very existence of Russian people and state system. They offered comprehensive analysis of the origin of separatism and of the humanitarian technologies of creating falsified history versions and artificial literary language creation, intended to destroy public Russian unity and to form a new Anti-Russian nation. Conservatives also criticized the cultural provincialism of the Ukrainian separatism and nationalism. Their deep insight into the essence of “Ukrainianness” let the Russian conservatives to predict with astonishing exactness the disastrous consequences of the Great Russian people splitting and to develop the program of fighting against the Ukrainian nationalism for the unity of Russian world, that has become even more important today.

Keywords: Russian Conservatism, Ukrainian Separatism and Nationalism, Basic Ideas and Cultural Practical Aspects of the Ukrainian Nationalism.